
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И НАСИЛИЕ

А.А. Сурков

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу феномена насилия в его связи с социальным пространством. Автор рассматривает проблему «отчуждения», которая проявляется в возникновении внутри определенной территории отдельных анклавов, закрытых как для входа, так и для выхода. На микросоциальном уровне это способствует интерпретации акторами своих партнеров по коммуникации как тех, кто представляет опасность. В статье также отмечается, что социальное пространство наполнено артефактами и следами присутствия/отсутствия насилия в системе общественных отношений.

Ключевые слова: насилие, пространство, Другой, отчуждение.

Пространство и время — две базовые характеристики человеческой жизнедеятельности: «Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Повседневная структура... имеет социальное измерение благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей» [3. С. 48—49]. Человек склонен придавать определенные значения окружающему ландшафту и требует, чтобы партнер по коммуникации разделял их с ним. Это позволяет говорить о том, что пространство всегда социально, ибо наделено определенными смыслами. Последние определяют не только отношение акторов к той или иной территории, но и отношения между самими акторами. Любое взаимодействие, таким образом, необходимо рассматривать в связи с социальными характеристиками места, где оно разворачивается.

В данной статье речь идет о насилии, которое мы понимаем как особый вид отношений одного человека к другому, при котором один из субъектов доминирует над другим, используя различный символический, физический, технологический аппарат, что приводит к смерти, психологическим травмам, телесным повреждениям, отклонениям в развитии у обоих субъектов, но прежде всего у жертвы. Рассматривать этот социальный феномен вне отрыва от территории, на которой он возникает, попросту невозможно.

В момент формирования интерпретаций насильственного акта все его участники отталкиваются от географических, политических, экономических и других характеристик места, в котором он произошел. В определенном смысле место выполняет самостоятельную роль, являясь в некотором роде активным участником насильственного акта (как например пространство Колымы у Варлама Шаламова). Наделение пространства смыслами, связанными с насилием, не только имеет значение для самих акторов, но и для общественной структуры в целом, помогая выстроить социальную иерархию, определенным способом распределяя риски от насильственных актов. Общественная система стремится локализовать последние, связать их с определенной территорией.

Постоянное ощущение опасности от действий Другого подталкивает жителей той или иной территории выстраивать особые способы социальной коммуникации, направленные на защиту от них: «Возможность применения насилия со стороны некоторых индивидов представляет важнейшую проблему для любой группы» [6. С. 56]. Те, кто не входит в привычные круги коммуникации, зачастую осознаются членами группы в качестве угрозы. Последняя исходит из-за отсутствия доверия к Другому: «Отношения между актами насилия и принуждением включает в себя представления о действиях других — мы уделяем большое внимание тому, насколько угрозы насилия убедительны» [6. С. 57]. Процесс хабиутализации, воплощающийся в появлении определенных типов, к которым я свожу Другого, не предполагает постоянного оценивания степени угрозы, поступающей со стороны соседей, но стремится свести ее к набору шаблонов. Существуют определенные маркеры опасности, которые мы закрепляем за той или иной группой людей, а затем за той или иной территорией. Они призваны не только отгородить нас от предполагаемой опасности, но и объяснить нам, почему тот или иной насильственный акт происходит на определенной территории. Более того, выстраивается иерархия территорий: от наиболее важных к менее важным. Как бы это цинично не звучало, но единичная смерть в одной из европейских столиц может вызвать больше реакции сильных мира сего, чем сотни смертей в Африке или Южной Америке.

Наши представления об угрозе со стороны других людей сформированы не из личного опыта и объективных данных, но из стереотипов, слухов, мифов и т.д.

Одним из ключевых элементов процесса построения групповой идентичности является присвоение другими группами статусов, определяющих степень опасности. Насилие как социальный феномен обладает функцией упорядочивания социального пространства, определения способа использования вещей и мест.

В подобном ключе рассуждает Дж. Додд, описывая представление о войне известного чешского феноменолога Яна Паточки: «Война всегда имеет потенциал для проверки наших представлений о том, кто мы и что мы, что используется как пробный камень для понимания того, что мы можем и не можем ожидать друг от друга. Паточка даже предлагает нечто более радикальное: его аргумент заключается в том, что сами образы вещей, людей и предметов материального мира сформировались на основе модели войны или стали выражением силы» [9. С. 111].

Двигаясь в этом направлении, мы сможем ответить на ряд вопросов, связанных с жизненным пространством человека, т.е. территорией, на которой он осуществляет свою жизнедеятельность. Ответы позволят не только лучше понять те условия, которые необходимы для того, чтобы произошли насильственные действия, но и помогут нам оценить то, насколько вероятно проявление актов агрессии на тех или иных территориях, что, в свою очередь, может стать важной основой для их предупреждения и предотвращения.

То, как мы видим Другого, определяет то, как мы выстраиваем наше с ним взаимодействие. Возможно, ничто так не меняет характер наших действий, как

страх перед Другим, ожидание от него насильственного поведения. Необходимость полагаться на веру в Другого проистекает из той свободы, которой он обладает и которая одновременно формирует его «Я»: «свобода другого — это основание моего бытия» [7. С. 210].

Борьба моей свободы и свободы Другого вынуждает меня стремиться к самозащите, одним из важных проявлений которой является правильное расположение в пространстве, отделяющим меня от него в физическом плане. Это приводит к образованию того, что мы привыкли называть «плохие районы», «опасные улицы» и т.д.

Испытывая неподдельное отчаянье от невозможности контролировать Другого и опасаясь, что рано или поздно его действия совпадут с тем, что мы называем насилием, мы начинаем усиленно огораживать свое жизненное пространство от жизненного пространства других людей. Отдельные группы людей не исключаются, но сосредотачиваются на определенной территории без права выйти за ее пределы. Здесь необходимо отметить, что роль места меняется вместе с изменением социально-экономических условий жизнедеятельности общества.

В процессе перехода к постиндустриальному обществу иерархия мест теряет часть своего смысла. Бедные по-прежнему сосредоточены в определенных городских районах, однако сама грань между районами не обладает той степенью непроницаемости, как раньше. Постепенно происходит «девальвация места» [1. С. 48], которая возникает потому, что значение места утрачивается: «Поль Вирилио, объявляя о „конце географии“, предположил, что оно сведено на нет: смысл пространства как препятствия или даже предела коммуникации ныне изжил себя» [1. С. 47].

Вместе с тем процесс не является однозначным, ведь несмотря на то, что пространство преодолевается все легче, распространение рисков за пределы бывших «опасных районов» не происходит. Дело в том, и это подчеркивает Ульрих Бек, что риски распределяются обратно пропорционально достатку людей таким образом, что они лишь «усиливают классовое общество» [2. С. 41], потому что «те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут купить себе безопасность и свободу от риска. Этот „закон“ специфически классового распределения рисков и тем самым обострения классовых противоречий из-за концентрации рисков на стороне бедных и слабых долгое время считался и считается до сих пор одним из центральных измерений риска» [2. С. 41].

Таким образом, феномен насилия в современном мире, несмотря на теоретическую независимость от места, остается тесно связанным с последним.

Так, например, не вызывает сомнения, что терроризм представляет угрозу для всего общества, независимо от его социальной стратификации, и вместе с тем очевидно, что шансов стать жертвой террористической атаки в Багдаде выше, чем, например, в Копенгагене; те, кто передвигаются по городу на дорогих машинах со специальными сигналами, явно находятся в более безопасном положении, чем те, кто едут домой в переполненном вагоне метрополитена. Зигмунт Бауман отмечает: «Время и пространство по-разному распределены между стоящими на

разных ступенях глобальной властной пирамиды. Те, кто может себе это позволить, живут исключительно во времени. Те, кто не может, обитают в пространстве» [1. С. 51].

Районы, таким образом, так и остаются «опасными», поскольку именно опасного поведения ожидают от их жителей представители привилегированных страт, находящиеся снаружи опасных зон и осознающие себя потенциальными жертвами. Жители неблагополучных районов, в свою очередь, рано или поздно действительно начинают организовывать жизнь с применением насилия, считая, что на это их толкает определенным образом сложившаяся судьба, несправедливость общественного порядка. Они следуют тем смыслам, которые общество и люди, принимающие политические и административные решения, закрепляют за данной территорией.

И все же опасные места меняют свой вид. Не являясь более сосредоточением пролетариата, они заселяются мигрантами, теми, на кого сегодня во многом направленно подозрение «добропорядочных» граждан. Глобализация сдвинула народы с их насиженных мест, в поисках заработка они разъезжаются по странам с более высоким уровнем жизни. Коренное население начинает осознавать себя жертвой, против которой совершаются преступления: разбойные нападения, кражи, попрание родных традиций, похищение рабочих мест и т.д. По привычке ожидая от иностранца насилия, коренной житель становится на позицию жертвы. В свою очередь приезжий начинает осознавать себя субъектом насилия (ибо только будучи нахрапистым и наглым, согласно бытующим стереотипам, он сможет прожить в этом враждебном, по его мнению, городе).

В.В. Феррони замечает, что «для „Я“ „Чужой“ в отличие от „Другого“ или „Иного“ иррационален, немислим. Чтобы помыслить, а тем более понять „Чужого“, нужно помыслить и понять небытие! Поэтому „Чужой“ вызывает страх, неприязнь, брезгливость, стремление избежать его или уничтожить» [8. С. 122]. Он должен быть помещен туда, где будет жить, не затрагивая интересы «Я» и «Мы», в какое-то отдельное от остального мира пространство.

Развивая мысль о взаимодействии с представителями других культур, Зигмунт Бауман пишет: «можно выработать определенные правила сосуществования, ослабляющие страх: иностранцы — «чужие», люди, «не такие как мы», — могут быть собраны в отдельных квартирах, которые можно обойти, избегая встреч с ними; их можно использовать на определенных работах, проводимых в отведенных для этого местах в определенное время; их можно иными способами держать на безопасной дистанции от нормальной повседневной жизни» [1. С. 111].

Вместе с тем он не замечает одной детали: разделив районы города на «свои» и «чужие», каждая сторона начинает их соответственным образом интерпретировать, создавать символическое пространство между собой и соперниками, что приводит к закреплению позиций в сознании обеих сторон.

Текущность, которую З. Бауман определяет как главную метафору современности, никак не влияет на эти пространства, представляющие собой образец стабильности. Виллем ван Винден утверждает, что «в последние десятилетия соци-

альная исключенность в урбанистических районах стала постоянной. Некоторые исследователи считают, что в дальнейшем проблема будет только нарастать в связи с глобализацией и технологическими изменениями» [4. С. 72].

Конечно, развитие технологий, компьютеризация общества, «сокращение» пространства и другие характеристики современного этапа общественного развития позволяют достичь эффекта включенности большинства групп в общественное взаимодействие, однако, и мы это видим в повседневной практике, Чужой остается запертым в своем небольшом пространстве. Интересно, что в социальных сетях, которые сегодня часто представляются средством преодоления коммуникативных барьеров, существует возможность закрыть свое сообщество.

Осознавая себя и свой социальный статус, Чужой редко пытается выбраться из этого положения. Капитал продолжает разделять людей на страты, заставляя сомневаться в словах тех, кто уже поспешил объявить о наступлении бесклассового общества, ведь «горожане стратифицированы по степени, в которой они могут игнорировать присутствие чужаков и избегать опасностей, порождаемых этим присутствием» [1. С. 112].

Важно отметить, что с методологической точки зрения связь социально-экономических характеристик территории и уровня насилия не всегда является прямой и явной: «Бедность как таковая и сопутствующее ей ограничение возможностей сами по себе недостаточны для того, чтобы обусловить заметное повышение коэффициента преступного поведения... Только в той мере, в какой нищета и соединенные с ней невзгоды в конкурентной борьбе за овладение ценностями, одобренными культурой для всех членов данного общества, связаны с восприятием обусловленного культурой акцента на значении денежного накопления как символа успеха, антисоциальное поведение представляет собой «нормальный» исход» [5].

Эти слова одного из самых известных американских социологов XX в. Роберта Кинга Мертсона лишней раз подчеркивают, что насилие конституируется в пространстве значений, которыми я и Другой пользуюсь при взаимодействии. Для появления акта насилия необходимо, чтобы все стороны микросоциального взаимодействия готовы были интерпретировать самих себя и друг друга в качестве «жертвы», «палача», «свидетеля». Наше представление об «опасности районов» есть не более чем такая же интерпретация, абстрактное суждение, которое не должно соответствовать действительности, ибо используется идеологией для поддержания образа врага, против которого необходимо применить насильственные меры.

«Я», стремясь избавиться от своего страха, помещает Другого на территорию, вход и выход из которой должен строго контролироваться, несмотря на возможное понимание условности связи чужаков и насилия. Закрытость пространства является двухсторонней: «Знаменитые „запретные“ районы выглядят по-разному в зависимости от того, с какой стороны на них посмотреть: для тех, кому повезло разгуливать за их пределами, они „запретны для входа“, но тем, кто живет внутри, их местожительство представляется „запретным для выхода“» [1. С. 112].

Невозможно представить себе более тупиковой ситуации, ведь район, по сути, остается закрытым полностью, оторванным от каких-либо связей с остальным миром. Каждая из сторон объявляет запретную территорию небезопасной, мешающей нормально жить и развиваться. Бауман уточняет: «Фил Коэн высказывает предположение, что в основе всякого рода ксенофобии... лежат идеализированные представления о безопасном доме как о смысловой метафоре. Образ безопасного дома превращает то, что «за его пределами» в чреватую угрозами территорию» [1. С. 112].

То, что чужаков удается закрыть в замкнутом пространстве, трактуется как безусловное достижение. Однако такое решение может быть лишь временным, ибо общество, решившееся на подобное, должно понимать, что процесс «очужествления» требует постоянной ре-актуализации. Поместив всех неугодных в запретные районы, закрыв их там, система сталкивается с появлением некоторой пустоты в общественной жизни и, как следствие, необходимостью найти новую группу для исключения.

Существует и еще одна опасность: ощущение дома, понимаемое как ощущение определенной территории, может привести к мифологизации и созданию удивительных ненавистнических идей, которые оправдывают свои действия сакральностью территории. Профессор Бен Кирман рассматривает экспансионизм вкупе с мифологизацией территории, расы и сельского образа жизни как своего рода маячки, призванные сигнализировать нам о возможном геноциде [10]. Но если снаружи запретной зоны мы сакрализируем территорию, то что происходит внутри с ее обитателями? Территория, на которой совершается насилие, рано или поздно перестает быть пространством социального, становясь тем, что враждебно всякой жизни.

Не стоит считать, однако, что насилие, точнее его потенциальная возможность, влияет только на карту города и способы перемещения групп индивидов между различными пространствами. Присутствие или отсутствие насилия всегда можно проследить по тем артефактам и следам, что разбросаны по всей территории. В Москве, скажем, существует особая топология, связанная с терроризмом и борьбой с ним: памятники и мемориалы, церкви, рамки металлодетектора на входе в метро, отсутствие урн в центре столицы.

Это присутствие или отсутствие вещей призвано постоянно напоминать о тех травмах, которые были получены обществом в прошлом, и тех страхах, которые для него характерны в настоящем.

Всем известны сцены из различных кинофильмов, когда после убийства полицейские определенным образом «обставляют» место преступления. Появляются меловые фигуры на асфальте и различные приспособления для указания масштаба при фотографировании. Красно-белая лента довершает картинку, огораживая пространство от остальной части города. Рано или поздно лента пропадает, но место обретет особый смысл среди жителей, помнящих событие.

Невозможно, таким образом, проанализировать феномен насилия, не обратившись к социальному пространству, которое не только оказывает влияние

на формы и способы осуществления насильственного акта, но и само постоянно изменяется под его воздействием, даже чисто потенциальным.

В методологическом плане это должно привести к созданию теории насилия, которая бы рассматривала предмет исследования как социальный процесс, конституирующийся на границе интерпретаций, которые осуществляют конкретные акторы в тех рамках, которые задает общественная структура. Это позволяет обратиться к насильственному акту в его уникальном социально-историческом бытии, но вместе с тем, увидеть универсальные принципы, детерминирующие его появление/отсутствие и развитие.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- [2] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [3] Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Издательство «Медиум», 1995.
- [4] Винден ван В. Конец социальной исключенности? Политика в сфере информационных технологий как ключ к социальной включенности в крупных европейских городах // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 17.
- [5] Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Скепсис. Научно-просветительский журнал. URL: http://scepsis.net/library/id_632.html.
- [6] Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
- [7] Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
- [8] Феррони В.В. Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник ВГУ. Серия философия. 2012. № 1.
- [9] Dodd J. Violence and phenomenology. New York, London: Routledge, 2009.
- [10] Kiernan B. Hitler, Pol Pot, and Hutu Power: Distinguishing Themes of Genocidal Ideology // The Holocaust and the UN Outreach Programme. URL: <http://www.un.org/en/holocaustremembrance/docs/paper3.shtml>

SOCIAL SPACE AND VIOLENCE

A.A. Surkov

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of violence in the context of social space. The author considers the problem of alienation, which results in the formation of enclaves inside the territory. It facilitates actors on micro-sociological level to interpret their partners of communication as the ones who can pose danger. The author also notes that social space includes artefacts and traces of (non)presence of violence in the system of social relations.

Key words: violence, space, Other, alienation.

REFERENCES

- [1] Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow: Logos, 2005.
- [2] Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow: Progress-Tradicija, 2000.
- [3] Bergman P., Lukman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sociologii znaniya*. Moscow: Izdatel'stvo «Medium», 1995.
- [4] Vinden van V. Konec social'noj iskljuchennosti? Politika v sfere informacionnyh tehnologij kak kljuch k social'noj vkljuchennosti v kurpnyh evropejskih gorodah // *SPERO. Social'naja politika: jekspertiza, rekomendacii, obzory*. 2012. № 17.
- [5] Merton R.K. Social'naja struktura i anomija [Jelektronnyj resurs] // *Skepsis. Nauchno-prosvetitel'skij zhurnal*. URL: http://sceptis.net/library/id_632.html
- [6] Nort D., Uollis D., Vajngast B. *Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva*. Moscow: Izd. Instituta Gajdara, 2011.
- [7] Sartr Zh.-P. Pervichnoe otnoshenie k drugomu: ljubov', jazyk, mazohizm // *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii*. Moscow: Progress, 1988.
- [8] Ferroni V.V. Tri lika Drugogo: «Drugoj», «Inoj», «Chuzhoj» // *Vestnik VGU. Serija filosofija*. 2012. № 1.
- [9] Dodd J. *Violence and phenomenology*. New York, London: Routledge, 2009.
- [10] Kiernan B. *Hitler, Pol Pot, and Hutu Power: Distinguishing Themes of Genocidal Ideology* [Jelektronnyj resurs] // *The Holocaust and the UN Outreach Programme*. URL: <http://www.un.org/en/holocaustrmembrance/docs/paper3.shtml>.